

Оригинальная статья / Original article

УДК 631(571.1/.5) (09)

DOI: <http://dx.doi.org/10.21285/2415-8739-2018-2-216-222>

КРЕСТЬЯНСКИЙ КОММУНИЗМ В СИБИРИ

© Г.А. Цыкунов

Байкальский государственный университет,
664003, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Ленина, 11.

Аннотация. В статье исследуются организационно-правовые и социально-экономические вопросы создания и развития сельскохозяйственных коммун, получивших широкое распространение в Сибири в первой половине 1920-х гг. Устанавливаются причины образования коллективов, их социальный состав, анализируются организация производственной деятельности, способы распределения материальных благ. Показывается, что одной из главных причин создания сельскохозяйственных коммун являлось стремление крестьян преодолеть разруху и нищету в деревне после окончания гражданской войны. Анализ социального состава коммунарков показывает, что основу коллективов составляло беднейшее крестьянство, удельный вес которого преобладал в общей численности населения. Особое внимание уделяется анализу уставов сельскохозяйственных коммун Иркутской губернии, их роли и назначению, правам и обязанностям коммунарков, руководящим органам. Выявляется высокая степень обобществления в коллективах, которая предусматривала переход в общее пользование всей земли и имущества крестьян, кроме предметов личного пользования. Рассматриваются конфликтные ситуации во внутренней жизни коммун, вызванные уравнительным распределением материальных благ. Отмечаются попытки коммунарков перейти к организации производства, предусматривающей материальную заинтересованность работников в результатах труда. Делается вывод о том, что сельскохозяйственные коммуны являлись составной частью проводимой советским государством политики военного коммунизма.

Ключевые слова: *Сибирь, Иркутская губерния, сельскохозяйственные коммуны, крестьяне, бедняки, середняки, уставы, права и обязанности, уравнительное распределение, материальная заинтересованность, новая экономическая политика.*

Информация о статье. Дата поступления 19 марта 2018 г.; дата принятия к печати 20 апреля 2018 г.; дата онлайн-размещения 30 июня 2018 г.

Формат цитирования. Цыкунов Г.А. Крестьянский коммунизм в Сибири // Известия Лаборатории древних технологий. 2018. Т. 14. № 2. С. 216–222. DOI: 10.21285/2415-8739-2018-2-216-222

PEASANT COMMUNISM IN SIBERIA

© G.A. Tsykunov

Baikal State University,
11 Lenin Str., Irkutsk 664003, Russian Federation

Abstract. The author examines the organizational-legal and socio-economic issues of the creation and development of agricultural communes, widely spread in Siberia in the first half of the 1920s. The article establishes the reasons for the formation of collectives, their social composition, analyzes the organization of production activity, the methods of distribution of material goods. The author concludes that one of the main reasons for the creation of agricultural communes was the desire of the peasants to overcome the devastation and poverty in the village after the end of the civil war. An analysis of the social composition of the Communards shows that the basis of the collectives was the poorest peasantry, whose share in the total population was the same. Attention is paid to the analysis of the statutes of the agricultural communes of the Irkutsk province, their role and purpose, the rights and duties of the communards, and the governing bodies. A high degree of socialization in the collectives was identified, which provided for the transition to the general use of all land and property of peasants, except for personal use items. The author considers conflict situations in the internal life of communes, caused by the equalizing distribution of material goods. Attempts by the communards to move to the organization of production, which provides for the mate-

rial interest of workers in the results of labor, are noted. The conclusion is that the agricultural communes were an integral part of the Soviet state's policy of military communism.

Keywords: *Siberia, Irkutsk province, agricultural communes, peasants, poor people, middle peasants, statutes, rights and duties, equalization, material interest, a new economic policy*

Article info. Received March 19, 2018; accepted for publication April 20, 2018; available online June 30, 2018.

For citation. Tsykunov G.A. Peasant communism in Siberia. *Izvestija Laboratorii drevnih tehnologij = Journal of Ancient Technology Laboratory*. 2018. Vol. 14. No. 2. Pp. 216–222. DOI: 10.21285/2415-8739-2018-2-216-222. (In Russian).

Мировой опыт показывает, что все революционные преобразования сопровождались небывалыми экспериментами по организации государственной, общественной и духовной жизни, научной основой которых являлись политико-философские учения великих мыслителей различных эпох. Древнегреческий мыслитель Платон, считавший идеальным государством государство коммунистическое, положил начало длительным спорам, приведшим к оформлению марксистской коммунистической идеологии. Под ее лозунгами проходили все революции в России и строительство так называемого коммунистического общества.

После провозглашения Советской России началось утверждение на практике идей о справедливом строе. Революционный порыв охватил большинство слоев населения, стремившихся в кратчайшие сроки ликвидировать богатство и бедность. Общинный характер труда и жизни крестьянства способствовал появлению новых форм коллективной организации хозяйства: товариществ по совместной обработке земли, сельскохозяйственных артелей и сельскохозяйственных коммун. В первые годы советской власти из всех форм кооперирования выделялись сельскохозяйственные коммуны, которые наглядно демонстрировали попытки внедрения коммунистических начал в сознание и хозяйственный уклад крестьян.

Гражданская война нанесла огромный урон сельскому хозяйству Сибири, переживавшему глубокий кризис. Созданная Иркутским губернским комитетом РКП (б) комиссия по указанию помощи населению от колчаковщины установила, что в Черемховском уезде было разорено и разрушено 24,9 % крестьянских хозяйств, в Балаганском – 36,5 %, в Нижнеудинском – 43,5 %, а всего по Иркутской губернии в обследуемых волостях было разрушено 24,4 % крестьянских хозяйств (Зыков,

1961. С. 7). Скорейшее преодоление хозяйственной разрухи стало одной из главных причин организации крестьянами коллективных хозяйств. Массовое создание сельскохозяйственных коммун в Сибири происходило после свержения колчаковского режима. В мае 1921 г. на территории сибирского региона насчитывалось 812 коммун, в том числе в Иркутской области – 22 коммуны (Степичев, 1966. С. 104).

Следует отметить, что организация коммун проходила вне рамок административного воздействия местных органов советской власти. Губернские и уездные земельные органы стали устанавливать организационный и политический контроль над коммунами после их официальной регистрации. Среди причин, побуждающих крестьян организовывать коммуны, преобладали все же экономические мотивы: победить нищету и голод, увеличить сельскохозяйственное производство в послевоенной деревне. Известный исследователь аграрной истории Сибири В.В. Гришаев опубликовал интересные архивные данные о проведенном анкетировании среди коммунаров Забайкальской губернии. В числе первоочередных причин, побудивших крестьян к организации коммун, были названы желание организованно вести хозяйство, чтобы повысить производительность труда, выйти из кулацкой кабалы. На втором месте оказались мотивы идейно-политического характера: скорейшее достижение братства и равенства, победа над капитализмом, сочувствие к коммунизму (Гришаев, 1987. С. 20).

Инициаторами создания отдельных коммун являлись участники партизанского движения в Сибири. Активное участие в организации коммун принимали крестьяне-переселенцы, которые в сравнении со старожилами имели слабое материальное хозяйство. В период военного коммунизма

некоторая часть крестьян вступала в коммуны с целью уклонения от продовольственной разверстки, другая часть надеялась на получение денежной помощи, семенного материала и сельскохозяйственного инвентаря. Определенный интерес к созданию коллективов проявляли зажиточные крестьяне, которые преследовали цели сохранения своего имущества, замены своих земель на лучшие земельные угодья крестьян-единоличников. Встречались и коммуны, состоящие исключительно из родственников: хотя они состояли из бедняков, стремящихся преодолеть нищету, доступ в такие коллективы был закрыт для других.

Классовый состав подавляющего большинства коммун показывает, что наибольший удельный вес в них занимали бедные слои крестьянства. Это подтверждается данными по социальному составу сельскохозяйственных коммун Сибири в 1922 г.: бедняки – 52,3 %, середняки – 21,4 %, батраки – 22,1 %, служащие и рабочие – 4,2 % (ГАИО. Ф. 46р. Оп. 1. Д. 199. Л. 78 об.). Однако подъем индивидуального крестьянского хозяйства в годы новой экономической политики привел к уменьшению социальной базы коммун как организаций, приемлемых прежде всего для беднейшего крестьянства, а его доля в общей численности населения падала. В 1925 г. расслоение иркутской деревни по социально-экономическим признакам выглядело следующим образом: середняцкие хозяйства – 35 %, середняцкие, примыкающие к бедняцким – 16 %, бедняцкие – 31 %. Уменьшение доли бедняков в общей численности крестьян к середине 1920-х гг. повлияло на снижение числа коммун. Так, если в 1920 г. в Иркутской губернии было 20 зарегистрированных коммун, то в 1923 г. – всего 6 коммун (ГАИО. Ф. 46р. Оп. 1. Д. 609. Л. 9 об.).

Производственная деятельность сельскохозяйственных коммун находилась в прямой зависимости от числа трудоспособных крестьян, площади обрабатываемых земель, наличия сельскохозяйственного инвентаря. В 1921 г. в 13 коммунах Иркутской области числилось 649 человек, в том числе трудоспособных – 311, детей – 314. В среднем каждый коллектив состоял из 50 человек. Наиболее многочисленной была коммуна «Показатель» Нижнеудинского уезда, она включала 84 человека,

тогда как в коммуне «Бельково» Черемховского уезда насчитывалось 8 человек. Многие коллективы сталкивались с проблемой отсутствия хороших пахотных угодий. Зачастую обрабатываемые земли состояли из многочисленных разбросанных по округе отдельных наделов, что затрудняло ведение коллективного хозяйства. В других случаях из-за конфликтов с крестьянами-единоличниками приходилось осваивать новые целинные земли. В отмеченный период все коммуны Иркутской губернии имели в своем распоряжении 5591 десятину земли (в среднем по 430 десятин на коллектив) и 116 единиц сельскохозяйственного инвентаря (в среднем по 9 единиц на коллектив) (ГАИО. Ф. 46р. Оп. 1. Д. 80. Л. 48 об.).

В качестве примера можно привести данные по производственной базе коммуны им. О.Г. Егорова Тайтурской волости Иркутского уезда в момент ее организации в 1920 г. В ее состав вошли 8 крестьянских семей, имевших 16 рабочих лошадей, 26 дойных коров, 35 овец, 16 свиней, 131 птицу. Из сельскохозяйственного инвентаря имелось 6 плугов, 9 борон, 1 молотилка, 15 телег, 16 саней, 2 селяки, 16 конных упряжек. За год хозяйственной деятельности коммуны численность ее членов выросла в 2,5 раза, земельный фонд увеличился в 2 раза. В 1923 г. коммуна им. О.Г. Егорова как одна из лучших в Иркутской губернии участвовала во Всесоюзной сельскохозяйственной выставке в Москве. При финансовой помощи Тельминской ткацкой фабрики и личном содействии Ф.Э. Дзержинского коммуна приобрела у американской фирмы «Фордзон» первый в округе трактор (Степичев, 1966. С. 11).

Революционные идеи оказали большое влияние на рождение народного правотворчества. В уездах, волостях, селах, трудовых коллективах разрабатывались различные конституции, уставы, положения, в рамках которых пытались установить порядок функционирования территориальных и хозяйственных субъектов. Одной из труднейших задач при создании сельскохозяйственных коммун являлось организационно-правовое оформление коллективов: разработка и принятие уставов коммун. Для этого собиралось учредительное собрание, на котором обсуждались условия жизни и

деятельности коммуны, формировался каждый пункт устава рождающегося коллектива. При обсуждении этих вопросов не всегда удавалось найти приемлемое для всех решение. В одних случаях избиралась согласительная комиссия, которой поручалось доработка устава, в других – посылались письма или направлялись ходоки в уездные земельные отделы для выяснения спорных вопросов. Эти проблемы стали решаемыми после принятия I Всероссийским съездом земельных отделов и коммун в феврале 1919 г. «Нормального устава производственных сельскохозяйственных коммун», разработанного Наркоматом земледелия РСФСР.

До настоящего времени дошли уставы большинства сельскохозяйственных коммун Иркутской губернии, представляющие научную ценность для изучения жизни и деятельности этих противоречивых объединений. Рассматривая уставы сельскохозяйственных коммун «Идеал», «Крыловская», «Голуметьевская» Черемховского уезда, «Сельский хозяин», им. О.Г. Егорова Иркутского района, «Красное знамя» Балаганского уезда, «Красная звезда» Тулунского уезда, «Вербовка», «Молот», «Пионер» Киренского уезда, можно сделать общие выводы о роли и назначении коммун, о правах и обязанностях коммунаров, о руководящих органах, об управлении делами, об организации труда и реализации продукции.

Во всех уставах закреплялось, что коммуна является добровольным союзом для ведения общественного сельского хозяйства, могучим средством борьбы против капитализма. Главным источником дохода являлся переход всего имущества коммунаров в общее пользование. К нему относили земли, движимое и недвижимое имущество, денежные средства, различные ссуды и пособия, получаемые от местных органов власти. В уставе коммуны «Красная звезда» Тулунского уезда было записано: «Все в коммуне принадлежит всем, никто ничего не может назвать своим, кроме предметов личного потребления: нижняя и верхняя одежда, постельные принадлежности» (ГАИО. Ф. 46р. Оп. 1. Д. 700. Л. 6 об.). Во всех коммунах, хотя и по-разному, предусматривалось положение о выходе из коллектива. В большинстве случаев выбываю-

щий из коллектива имел право получить примерно 75 % стоимости внесенного различного имущества, а также земельный участок. Однако в ряде уставов ставились различные препоны для желающих покинуть коллективы. Так, в уставе коммуны «Вербовка» было зафиксировано: «Общее собрание имеет право выдать выходящему его внесенный инвентарь в том случае, если это не внесет расстройства в хозяйстве коммуны» (ГАИО. Ф. 46р. Оп. 1. Д. 168. Л. 3).

В уставах коммун нашли отражение и вопросы управления делами этих коллективов. Высшим и законодательным органом, уполномоченным решать все вопросы, признавалось общее собрание. Именно ему принадлежало право окончательного решения вопросов приема и исключения членов коммуны, осуществления контроля за поведением коммунаров, утверждения соглашений на заключение договоров, установления порядка ведения хозяйства и внутренней жизни коммун. Собрание считалось правомочным, если на нем присутствовала половина членов коллектива. Как правило, все решения на общих собраниях принимались открытым голосованием, простым большинством голосов. Исполнительным органом являлся Совет коммуны, избираемый общим собранием. Этот орган руководил всеми делами хозяйства, учетом и распределением продуктов, осуществлял взаимоотношения с местными органами власти. Контроль за деятельностью руководства коммуны, проверки отчетов и смет, наличия имущества осуществляла ревизионная комиссия. Руководителем коллектива являлся заведующий коммуной, который избирался на срок от одного до трех лет.

Уставы сельскохозяйственных коллективов определяли права и обязанности коммунаров. В целом они имели схожие черты и лишь незначительно отличались спецификой сельских поселений и менталитета населения. Коммунары имели право свободы в личной и политической жизни, жить в отдельных домах или общежитиях, производить при вступлении в коммуны добровольный взнос имуществом или деньгами, получать по своим нуждам продукты, одежду, работать по желанию сверх нормы, право выхода из коммуны и т. д. Уставы коммун отражали коллективные обязанно-

сти коммун как единого целого: выполнять все государственные повинности, поддерживать и защищать советскую власть, предоставлять детям образование за счет коммуны, проявлять всяческую заботу о престарелых и детях. В уставах коммун «Крыловская», «Красное знамя», «Вербовка», «Лиственничная» особо подчеркивалось, что престарелые, малолетние, больные содержатся за счет коллектива.

Наиболее слабым местом в уставах коммун являлись вопросы организации производственной деятельности. Основное внимание обращалось на необходимость напряженного и продуктивного труда коммунаров. Так, в уставе коммуны «Вербовка» пункт № 21 гласил: «Каждый должен добросовестно трудиться по своим силам, способностям, не отказываться от работы, всячески содействовать экономическому развитию коммуны» (ГАИО. Ф. 46р. Оп. 1. Д. 162. Л. 4). Уставы коллективов предусматривали строгое наказание нерадивым коммунарам за их вредительское для коллектива использование сельскохозяйственных орудий. В качестве наказания могли применяться меры по уменьшению выдаваемого продовольственного пайка. Установление продолжительности рабочего дня зависело от сезонного времени, вида и условий работы, возраста людей. К примеру, устав коммуны «Голуметьевская» заявлял особую продолжительность рабочего дня до 12 часов во время сенокоса и уборки урожая. Каких-либо материальных и моральных поощрений за наиболее производительный труд уставы не предусматривали.

Уставы коммун «Сельский хозяин» и «Вербовка» фиксировали такое положение, при котором никто из членов коллектива не мог получить за свой труд в пределах своего хозяйства особого вознаграждения ни продуктами, ни деньгами, кроме удовлетворения его потребностей наравне со всеми. При получении какого-либо вознаграждения на стороне коммунары были обязаны все передавать в общее хозяйство. Крайняя нужда, недостаток средств труда и предметов потребления, равноправие всех в труде и его оплате привело к тому, что в коммунах, как и во всем обществе того периода, плата за труд фактически выражалась в уравнительном распределении. Оно утвер-

ждалось по принципу «от каждого – по его силам и способностям, каждому – по его потребностям» – так было записано во всех уставах коммун (ГАИО. Ф. 46р. Оп. 1. Д. 162. Л. 3; Д. 182. Л. 18).

Идеям коммунистического общества отвечала поставленная в коммунах культурно-воспитательная работа. Особое внимание уделялось ликвидации неграмотности, ведь из 10 коммунаров примерно лишь 2 владели грамотой. В большинстве коллективов были открыты школы, где организовывались курсы по ликвидации безграмотности, на которых занимались не только коммунары, но и крестьяне-единоличники. В коммунах им. О.Г. Егорова, «Крыловская», «Иннокентьевская», «Красное поле» были открыты детские дома, в которых в дневное время были организованы воспитание, досуг и питание детей. Коммунары в числе первых примкнули к антирелигиозной пропаганде, что привело к неприязненным отношениям с местным населением. Так, Совет коммуны «Молот» Киренского района в мае 1921 г. постановил, «что религия – дело каждого, а коммунары не будут молиться» (ГАИО. Ф. 46р. Оп. 1. Д. 174. Л. 10). Был и другой пример, когда женщины из коммуны «Интернационал» впервые за всю историю села Александровское Черемховского уезда работали в пасху, чем вызвали негодование со стороны единоличных крестьян. Противоречивое отношение к религии приводило к разногласиям и среди коммунаров, что являлось причиной внутренних конфликтов и даже распада коллективов.

В экономическом отношении большинство коммун относилось к натуральным хозяйствам, и большая часть произведенной продукции предназначалась для внутреннего потребления. Так, в коммуне «Пахарь» Киренского уезда произведенная в 1922 г. пшеница была распределена следующим образом: собственное потребление за год – 300 пудов (50 %), расход на воспроизводство – 100 пудов (17 %), уплата натурального налога – 60 пудов (10 %) (ГАИО. Ф. 46р. Оп. 1. Д. 563. Л. 60). С учетом того, что основной доход коммуны получали от продажи сельскохозяйственной продукции, удельный вес которой был незначителен, то материальная база коллективов была слабой. Отсутствие то-

варно-денежных отношений не позволяло коллективам получать новые кредиты, расплачиваться с долгами и переходить к товарному производству. В ряде коммун полученные сельскохозяйственные кредиты использовались не на развитие коллективного хозяйства, а на личные нужды коммунаров. К примеру, в коммуне «Родина» Нижнеудинского уезда кредитные деньги были распределены между коммунарами на именные продуктовые ссуды.

В середине 1920-х гг. в сельскохозяйственных коммунах стали проявляться тенденции перехода от уравнительного способа распределения материальных благ к распределению по количеству и качеству затраченного труда. Отдельные члены коммун стали открыто проявлять недовольство «уравниловкой», требуя при распределении доходов учитывать величину их вступительного пая. Переход к принципу материальной заинтересованности был медленным и противоречивым, коллективы пытались апробировать различные варианты организации труда. Первыми шагами в этом направлении стало введение поденной оплаты труда. С ее принятием в коммуне «Икинат» Аларского аймака все мужчины от 18 до 55 лет получали поденную оплату по 55 коп. в день, женщины от 18 до 50 лет – по 45 коп., подростки от 16 до 18 лет – по 45 коп. Из этих ставок вычитались средства на общий стол согласно расходов по столовой. Денежные вознаграждения распространялись и на детей коммунаров, которые помимо бесплатного питания получали по одному рублю в год (ГАИО. Ф. 46р. Оп. 1. Д. 27. Л. 38 об.). Однако поденная оплата труда не оказала должного влияния на повышение производительности труда коммунаров и экономическую эффективность хозяйств. Принятие сдельной оплаты труда началось во второй половине 1920-х гг., когда коммуны стали переходить на устав сельскохозяйственной артели.

Переход к новой экономической политике создал благоприятные экономические условия для развития единоличного крестьянского хозяйства. Высокая степень обобществления в коммунах

практически прекратила приток середняков в коллективы. Новые реалии привели к сокращению социальной базы коммун – бедняцких слоев, перед которыми открывались перспективы самостоятельного ведения хозяйства. Эти тенденции не могли не сказаться на внутренней жизни коммун, где начались организационные, семейно-бытовые неурядицы, приводившие к ликвидации коллективов. В 1921 г. в коммуне «Молот» коллектив разделился на две конфликтующие группы, одна из которых требовала выхода из коммуны с целью «выбиться в середняки», другая настаивала на сохранении коллектива. Одна из коммунарок заявила на общем собрании: «Не ненавижу вашу коммуну. Не надо мне много, пусть у меня будет мало, но я сама как хочу, так и ворочу. Мне никто не будет учитывать и определять паек в рот» (ГАИО. Ф. 46р. Оп. 1. Д. 174. Л. 13). Подобные явления были характерны и для других коммун, где на смену коммунистическим иллюзиям стала приходить психология частника. К 1927 г. большинство сельскохозяйственных коммун самоликвидировалось или перешло на устав сельхозартелей.

Сельскохозяйственные коммуны Сибири являются ярким примером всеобщей радикализации коммунистических начал, охвативших Россию после революции 1917 г. Создание и развитие подобных коллективов гармонично вписывалось в проводимую партией большевиков политику военного коммунизма. В то же время помимо анализа политической сущности коммун нельзя не отметить хозяйственную мотивацию их создания. Тяжелейшие последствия гражданской войны, упадок сельского хозяйства, угроза голода способствовали объединительному началу беднейших крестьян. В тот период именно такая форма коллективного хозяйства более всего подходила для преодоления трудностей. Непродолжительная история крестьянского коммунизма закончилась началом реализации новой экономической политики, делавшей упор на материальную заинтересованность работников в результатах труда.

Библиографический список

Гришаев В.В. Коммунары Сибири. Красноярск: Кн. изд-во, 1987. 166 с.

References

Grishaev V.V. *Kommunary Sibiri* [Communards of Siberia]. Krasnoyarsk: Knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1987,

Зыков А.Н. Иркутские коммунисты в борьбе за осуществление ленинского кооперативного плана (1921–1925 гг.). Иркутск: Вост.-Сиб. изд-во, 1961. 173 с.

Степичев И.С. Победа ленинского кооперативного плана в Восточно-Сибирской деревне. Иркутск: Вост.-Сиб. изд-во, 1965. 570 с.

Сведения об авторе

Цыкунов Григорий Александрович,
доктор исторических наук, профессор кафедры теории государства и права и социально-правовых дисциплин, Байкальский государственный университет, 664003, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Ленина, 11,
e-mail: tsykunovga@gmail.com

Критерии авторства

Цыкунов Г.А. выполнил научно-исследовательскую работу, на основании полученных обобщенных результатов подготовил рукопись к печати, имеет на статью авторские права и несет полную ответственность за ее оригинальность.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

166 p. (In Russian).

Zykov A.N. *Irkutskie kommunisty v bor`be za osushchestvlenie leninskogo kooperativnogo plana (1921–1925 gg.)* [Irkutsk Communists in the struggle to implement the Lenin's cooperative plan (1921-1925)]. Irkutsk: Vostochno-Sibirskoe izdatel'stvo Publ., 1961, 173 p. (In Russian).

Stepichev I.S. *Pobeda leninskogo kooperativnogo plana v Vostochno-Sibirskoi derevne* [The victory of the Lenin's cooperative plan in the East Siberian village]. Irkutsk: Vostochno-Sibirskoe izdatel'stvo Publ., 1965, 570 p. (In Russian).

Information about the author

Grigory A. Tsykunov,
Doctor of Sciences (History), professor, Chair of the Department of Theory of Law and Social and Legal Disciplines, Baikal State University,
11 Lenin Str., Irkutsk 664003, Russian Federation,
e-mail: tsykunovga@gmail.com

Attribution criteria

Tsykunov G.A. carried out research work, based on the obtained generalized results he prepared the manuscript for printing, has copyrights for the article and bears full responsibility for its originality.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.